

Е. А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е. А.
Салиаса**

**Том 13. Бригадирская внучка.
Крутоярская царевна. Донские
гишпанцы.**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 13. Бригадирская внучка. Крутоярская царева. Донские гишпанцы. / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2023. – 505 с.

ISBN 978-5-458-52664-7

ISBN 978-5-458-52664-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

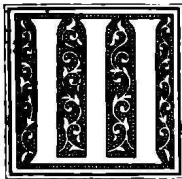
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Июль 1771 годъ. Июль мѣсяць былъ на исходѣ и въ Москвѣ стояла очень жаркая лѣтняя погода. Первопрестольная переживала тяжелый, страшный въ лѣтописи ея существованія годъ. Еще зимой появились первые признаки, а весной разразилась надъ городомъ страшная кара Господня. Это былъ, по выраженію народа, бичъ Божій. На Москвѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе.

Чума вырывала жертвы свои ежедневно и ежечасно, усиливаясь съ каждымъ днемъ. Начавъ весною съ десятковъ, теперь въ лѣтніе мѣсяцы она уносила людей почти сотнями въ день.

Въ столицѣ была полная неурядица. Все, что было людей съ достаткомъ, не только дворяне, но и богатое купечество, зажиточные мѣщане—все еще съ весны бѣжало изъ Москвы. Оставался преимущественно простой народъ.

Многія изъ властей московскихъ тоже бѣжали. Примѣръ показалъ самъ генераль-губернаторъ, фельдмаршалъ Салтыковъ. Старикъ, почти восьмидесяти лѣтъ, ради страха смерти уѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе, Марѣино, самовольно покинувъ свой постъ.

За его отсутствіемъ, власть принялъ въ свои руки сенаторъ Еропкинь, человекъ дѣятельный, энергичный, смѣлый и умный. Онъ раздѣлилъ тотчасъ столицу на участки, назначилъ вездѣ

отдѣльныхъ временныхъ начальниковъ или комиссаровъ. Началась правильная, упорная борьба съ „матушкой чумой“. Но видно она уже давно расходилась не на шутку, время было упущено и теперь стало не подь силу бороться съ ней.

Всѣ подмосковные монастыри стали карантинами, куда отправляли людей изъ зачумленныхъ домовъ. Вездѣ, гдѣ оказывался чумовой покойникъ, всѣхъ жильцовъ запирали въ домъ, запрещая имъ всякія сношенія. Въ случаѣ непослушанія, отправляли ихъ насильно въ карантинъ.

Народъ волновался все болѣе. Всякіе нелѣпые слухи, ходившіе въ городъ, легко поднимали чернь на всякое буйство. Болѣе всего были озлоблены москвичи на докторовъ, а равно и на властей, якобы потворствовавшихъ докторамъ. Говорили, что не чума виновата, а доктора подкуплены кѣмъ-то, чтобы морить православный народъ.

Предположеніе это, въ которое твердо вѣрила вся московская чернь, основывалось главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что въ эти дни въ Москвѣ почти не было русскихъ врачей. Всѣ наличные медики въ первопрестольной были исключительно нѣмцы, поляки или жида. Даже главныя медицинскія власти города—и тѣ были почти безъ исключенія иноземцы всевозможныхъ странъ. Главный докторъ всей Москвы, начальникъ всѣхъ больницъ, „штатъ-физикусъ“, былъ нѣмецъ фонъ-Риндеръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы были уже нѣкоторыя улицы и переулки заставлены рогатками, такъ какъ все населеніе ихъ вымерло, всѣ дома были заколочены, а проѣздъ среди зачумленныхъ домовъ изъ предосторожности запрещался. Разумѣется, были дома и домики, изъ которыхъ населеніе все выѣхало или бѣжало. Были и такіе, гдѣ умерло не болѣе двухъ человекъ, а всѣхъ остальныхъ забрали и отправили въ карантинъ за городъ.

Такъ или иначе, но всѣ улицы стояли пустынные, дома съ закрытыми ставнями, ворота и калитки заколоченныя досками.

Въ одномъ изъ переулковъ близъ Арбата было, именно, полное безлюдье, хотя рогатокъ еще не поставили, такъ какъ въ числѣ двухъ десятковъ домовъ, уже заколоченныхъ, еще оставалось домовъ пять, гдѣ жили обыватели.

Посреди этихъ немногихъ уцѣлѣвшихъ, въ ярко выкрашенномъ голубою краской домикѣ съ расписными ставнями, жило

съ тяжелымъ, горячимъ дыханіемъ, Арина Матвѣевна первая догадалась и ахнула. Она не произнесла слова „чума“, еще менѣе могла произнести московское прозвище „черная смерть“, но объявила Филисову и Кленѣ:

— Не хорошо, ахъ, не хорошо! И до насъ она добралась! Разумѣется, открытіе поразило всѣхъ.

Болѣе всѣхъ перепугалась молодая дѣвушка и въ то же время ей стало стыдно за то чувство, которое сказалось на душѣ. Она испугалась, потому что мать въ опасности, почти при смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась еще болѣе мысли, что въ случаѣ ея смерти они будутъ считаться зачумленными. Тогда они должны будутъ запереться въ своемъ домѣ, прекративъ всякія сношенія съ окружающимъ міромъ, по строгому приказу начальства, или же отправиться въ карантинъ, куда-нибудь въ подмосковный монастырь.

Такъ или иначе, свиданія съ Козляниновымъ должны будутъ прекратиться.

Филисовъ, убѣдившись, что жена въ чумѣ и кончается, былъ страшно пораженъ и совершенно потерялъ рассудокъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ около кровати жены и лицо его было безмысленнѣе чѣмъ когда-либо.

Арина Матвѣевна предлагала барину послать за докторомъ, но Филисовъ отмахивался и говорилъ:

— Что тутъ! Какой докторъ! Докторъ уморить.

На предложеніе послать за священникомъ Филисовъ тоже отмахивался и говорилъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ. Что священникъ? Да онъ и не пойдетъ. Они нынче боятся къ умирающимъ ходить.

Разумѣется, не прошло еще двухъ дней, какъ Филисова перестала дышать и была уже страшнымъ чумовымъ мертвецомъ.

Арина Матвѣевна прежде всего озаботилась сдѣлать то, что дѣлали всѣ москвичи, то-есть скрыть настоящую болѣзнь, отъ которой умерла барыня. Но это ей не удалось. Молодой барченокъ изъ какихъ-то своихъ невѣдомыхъ видовъ первый объявилъ въ участкѣ о смерти матери отъ моровой язвы.

Тотчасъ появилась въ домѣ полиція, а вмѣстѣ въ ней два мужика, одѣтые въ засмоленную одежду. Эти были такъ называемые „мортусы“, которые, не притрогиваясь руками къ чумовому покойнику, крючьями стаскивали его съ кровати въ подставленный гробъ. Если это былъ бѣднякъ, то его трупъ

крючьями выволакивался даже изъ дому на улицу, втаскивался въ телѣгу и увозился безъ гроба.

Послѣ ужасной процедуры похоронъ чумового покойника, которая наводила ужасъ на всѣхъ обывателей, семейству зачумленной было предложено или устроить свой собственный карантинъ въ домѣ, запершись и не сносясь ни съ кѣмъ въ городѣ, или отправляться въ карантинъ въ Донской монастырь.

Филисовы предпочли остаться въ своей квартирѣ. Къ нимъ былъ приставленъ солдатъ, который долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы они не выходили изъ дома и никого къ себѣ не пускали.

Разумѣется, несмотря на этотъ объявленный домашній арестъ и приставленнаго солдата, Филисовы продолжали изрѣдка отлучаться изъ дому, а равно и впускали къ себѣ всѣхъ, кто не боялся войти въ домъ.

То же самое происходило во всей Москвѣ. Всѣ мѣры, которыя принимались властями противъ распространенія моровой язвы, не вели ни къ чему. Всѣ эти мѣры безъ исключенія встрѣчали противодѣйствіе въ населеніи. Не только никто не соблюдалъ карантиновъ, но даже когда кто заболѣвалъ въ домѣ чумой, то это тщательно скрывали отъ властей. Наконецъ, когда заболѣвшій умиралъ, то ради самоохраненія, чтобы не попасть въ карантинъ, чумового покойника хоронили тайкомъ, въ огородѣ или въ подвалѣ, и въ случаѣ огласки клялись и божились, что у нихъ въ домѣ покойника никогда не бывало и что исчезнувшее лицо выѣхало изъ Москвы.

При этомъ большею частью ссылались на одну изъ заставъ, гдѣ пропускъ изъ столицы былъ свободенъ, по дорогѣ на городъ Ростовъ.

Всякій разъ, когда обыватели заявляли объ исчезнувшемъ лицѣ, что онъ выѣхалъ въ Ростовъ, начальство знало, что человекъ этотъ умеръ и гдѣ-нибудь тайкомъ похороненъ. И выраженіе: „выѣхалъ въ Ростовъ“ осталось на вѣки въ языкѣ, сохранивъ свой особый подразумеваемый смыслъ.

IV.

На другой же день послѣ похоронъ жены, Филисовъ, поднавшись рано утромъ, одѣлся въ свое лучшее платье, прибралъ и, осмотрѣвъ тщательно себя въ зеркалѣ, отправился

еще цѣлое семейство, которое матушка-чума до сихъ поръ обходила. Небольшой деревянный домикъ съ четырьмя оконцами на улицу, съ десяткомъ такихъ же оконцевъ во дворъ и въ маленькій садикъ, принадлежалъ арбатскому купцу-лавочнику.

Домъ этотъ нанималъ уже года три офицеръ въ отставкѣ, поручикъ Артемій Никитичъ Филисовъ, съ женой, семнадцатилѣтнею дочерью и пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. При нихъ было человѣка три-четыре дворовыхъ людей.

Поручикъ Филисовъ былъ въ исключительномъ положеніи, и не смотря на бѣдную обстановку, на мѣщанскій бытъ, его знала вся Москва, и вельможная, и чиновная.

Его родной отецъ, бригадиръ Никита Артемьевичъ Филисовъ, былъ хорошо извѣстенъ не только всей Москвѣ, но и Петербургу. Бригадиръ жилъ широко и открыто, на боярскій лады, въ собственныхъ своихъ палатахъ у Никитскихъ воротъ.

Единственный же сынъ его, поручикъ Артемій Филисовъ, съ двумя дѣтьми ютился въ маленькой квартиркѣ въ переулкѣ. Здѣсь, въ пяти горницахъ, размѣстился кое-какъ самъ Филисовъ, жена его, дочь, сынъ и люди. А тамъ, въ большомъ каменномъ домѣ бригадира былъ онъ одинъ, да при немъ жила его двоюродная сестра, пожилая, но красивая вдова. Тамъ въ домѣ было до двадцати-пяти пустыхъ покоевъ и горницъ.

Разумѣется, поручикъ Филисовъ былъ извѣстенъ всѣмъ ради своего отца. Филисовы отецъ и сынъ были теперь если не въ полной ссорѣ, то въ размолвкѣ. Причина этой размолвки была по времени и обычаямъ очень серьезна.

Поручикъ Филисовъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, безъ позволенія и безъ благословенія родительскаго обвѣнчался съ дѣвушкой, которую полюбилъ. Дѣвушка эта была дочерью просвирни сосѣдняго прихода. Послѣ такого срамнаго событія бригадиръ, конечно, не пожелалъ видѣть сына и объявилъ его лишеннымъ наслѣдства.

Въ теченіе шести лѣтъ Филисовы не видались между собой. Бригадиръ, несмотря на хлопоты и совѣты всѣхъ друзей и знакомыхъ простить молодого офицера, упорно продолжалъ не допускать къ себѣ ни сына, ни его семью.

Наконецъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ своей свадьбы Филисовъ-сынъ, окончательно погибая безъ средствъ къ жизни, почти нищенствуя, обратился съ просьбой къ начальству.

Генераль-губернаторъ заинтересовался судьбой молодого человека. Снова принялись всѣ за бригадира—и тотъ уступилъ. Онъ повидался съ сыномъ и невѣсткой, позволилъ имъ пріѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми. Всѣ пробыли у бригадира часа два, не болѣе. Никита Артемьевичъ объяснилъ сыну, что будетъ давать ему на прожитокъ четыреста рублей въ годъ, то-есть средства къ безбѣдному существованію. Затѣмъ бригадиръ подарилъ невѣсткѣ Агафѣ Филипповнѣ дворовую женщину въ мамушки для дѣтей, а сыну двухъ дворовыхъ людей, лѣтъ по двадцати, для услугъ.

Видаться съ сыномъ и его семьей бригадиръ не изъявилъ согласія и объяснилъ, что когда будетъ какая нужда, то сынъ можетъ заглянуть, свое дѣло пояснить.

Съ этого дня Филисовы, нанявъ квартиру попросторнѣе, жили бѣдно, но по крайней мѣрѣ были сыты и одѣты. Разумѣется, изъ года въ годъ, пока подростали дѣти, Филисовы надѣялись, что отецъ положить гнѣвъ на милость; каждый годъ мечтали они, что переѣдутъ въ большой и богатый домъ бригадира.

Но годы шли, въ палатахъ Никиты Артемьевича распоряжалась всѣмъ красивая двоюродная сестрица, „соломенная“ вдова, а Филисовъ со своей семьей кое-какъ существовалъ, перебивался, кочуя изъ одной наемной квартирки въ другую.

Когда дочери Филисова, Клеопатрѣ, которую всѣ звали уменьшительнымъ „Клѣна“, минуло двѣнадцать лѣтъ, бригадиръ предложилъ сыну отдать внучку къ нему въ домъ, дабы возможно было дать ей дворянское воспитаніе. Но Филисовъ на это не согласился, и Клѣна осталась въ домѣ родителей.

— Отецъ будетъ нищенствовать, а дочь въ золотыхъ каретахъ кататься! сказалъ онъ.—Это не рука.

И поручикъ, наоборотъ, предложилъ отцу взять сынишку, мальчугана умнаго и шустрого; но бригадиръ отказалъ въ свою очередь. До него уже доходили слухи, что мальчуганъ-внукъ въ мѣщанской обстановкѣ своихъ родителей вель такую жизнь, вращался въ такой средѣ, что сталъ совсѣмъ шатуномъ-мальчишка, умѣвшій только озорничать на улицѣ и на сосѣднихъ дворахъ и огородахъ.

Не смотря на стѣсненные средства, Филисовы все-таки сдумѣли дать кое-какое воспитаніе своей дочери. Клѣну учили грамотѣ приходскій дьячокъ. Дѣвочка была отъ природы чрез-

вычайно способная, умная, смѣлая, даже, пожалуй, черезчуръ бойка. Въмѣстѣ съ тѣмъ она была очень красива и умѣла нравиться всѣмъ.

II.

Такъ прошло время. Теперь Клѣнъ пошелъ уже семнадцатый годъ и она уже сама сумѣла составить себѣ въ Москвѣ кругъ знакомыхъ.

Поручикъ Филисовъ и его жена, за послѣднее время совершенно болѣзненные, сидѣли безвыходно дома. Самъ Филисовъ, которому было около тридцати восьми лѣтъ, казался на видъ гораздо старше. Ему можно было дать около пятидесяти. Жизнь тяжелая, скучная, съ безвыходною бѣднотой, а главное, полная униженій, конечно, повліяла на него. За послѣднее время у него появился даже тотъ порокъ, который часто является у русскаго человѣка отъ горя, праздности или незадачи въ жизни. Филисовъ началъ пить и на него изрѣдка нападалъ запой.

При этомъ всѣ знакомые и сосѣди отъ души жалѣли поручика, объясняя его порокъ несчастной обстановкой и вина во всемъ богача и упряма бригадира.

Агафья Филиповна Филисова вслѣдствіе своихъ недуговъ проводила большую часть дня въ постели. Только часа по два въ день она сидѣла у окошечка, занимаясь оглядываніемъ прохожихъ и проѣзжихъ. Лѣтомъ при отворенномъ окнѣ она останавливала всякаго идущаго опросами. Такимъ образомъ вскорѣ Агафья Филиповна знала въ лицо и по имени не только всю свою улицу, но и прилегающіе переулки. Въмѣстѣ съ тѣмъ она знала все, что творится во всемъ околоткѣ, кто какъ живетъ, кто съ кѣмъ хлѣбъ-соль ведетъ или враждуетъ, кто на что надѣется.

Въ то же время мальчуганъ, которому было теперь уже пятнадцать лѣтъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ изъ дому, бывая Богъ вѣсть гдѣ, якшаясь Богъ вѣсть съ кѣмъ. Родные часто журили сына, иногда запирали его на дворѣ въ чуланъ, но добиться ничего не могли. Опредѣлить его куда-либо на службу было еще рано, да и тотъ экзамень, который требовался для поступленія хотя бы въ полкъ, юноша сдать, конечно, не могъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Тотъ мѣстный дьячокъ, который обучалъ чему могъ барышню Кле-

опатру Артемьевну, давно уже отказался отъ ея брата, Филиппа Артемьевича, объясняя, что онъ, кромѣ гоньбы голу-бей, игры въ бабки и свайку или швырянья каменье въ чрезъ сосѣдскіе заборы, ничѣмъ не въ состояніи заняться. Филиппъ началъ съ тринадцати лѣтъ дружитья и водиться со всякимъ подозрительнымъ людомъ. Въ послѣднее время городскія власти уже два раза обратили вниманіе его отца на какіе-то неблаговидные поступки. Наконецъ, чума и смутные дни въ Москвѣ должны были окончательно разнуздать молодца.

Одновременно Клена съумѣла понемножку завести себѣ много знакомыхъ. Она была пріятельницей многихъ барышень, своихъ сверстницъ, часто бывало во многихъ московскихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ гостила по нѣскольку дней, изрѣдка навѣдываясь домой. Вслѣдствіе этого за послѣдній годъ Клена среди совершенно мѣщанской, бѣдной и грязной обстановки своихъ родителей казалась какъ бы чужою для нихъ, приличною барышней, дочерью родовитыхъ дворянъ. Даже всѣ сосѣди въ улицѣ съ почтеньемъ звали ее „бригадирская внучка“, какъ бы игнорируя ея родныхъ.

Знакомые же Клены предпочитали изъ тщеславія назвать или представить ее кому-либо подъ этимъ именемъ бригадирской внучки, чтобы не сказать, что она дочь полунищаго поручика полевой команды, женатаго вдобавокъ на „просвирененской“ дочкѣ.

Братъ и сестра не были дружны. Филиппъ, хотя былъ мо-ложе Клены на два года, пользовался, разумѣется, гораздо большею свободою. Но на него бѣдная обстановка, отсутствіе всякаго воспитанія и сѣренькое житье-бытье подѣйствовали губительно. Теперь между братомъ и сестрой не было уже ничего общаго, и дѣвушка гнушалась мальчугана.

Клена вела себя примѣрно, скромно и разумно, какъ подобало бригадирской внучкѣ и родовитой дворянкѣ по происхожденію; братъ же становился совсѣмъ уличнымъ озорникомъ и шалуномъ. Няня звала его: Полуночникъ.

Лѣтомъ Клену часто приглашали ея друзья къ себѣ въ деревню, подъ Москвою или далѣе, и чѣмъ долѣе гостила дѣвушка, тѣмъ, конечно, тяжелѣе ей было возвращаться въ родительскій домъ. Тѣсно и тоскливо казалось ей въ трехъ маленькихъ горницахъ, гдѣ лежала больная мать, какъ-то отупѣвшая и отъ образа жизни, и гдѣ, съ другой стороны, изрѣдка бывалъ пьяный отецъ, являвшійся

изъ сосѣдняго питейнаго дома, лохматый, испачканный, въ растерзанномъ видѣ.

Вмѣстѣ съ Кленой, постоянно сопровождая ее повсюду, бывала и мамушка, подаренная когда-то бригадиромъ и теперь обожаемая ею Ариша или Арина Матвѣевна. Умная женщина, насколько могла и умѣла, обучала уму-разуму свое дитятко и наставляла какъ вести себя въ обществѣ.

Благодаря именно влiянiю Арины Матвѣевны, ея постояннымъ хлопотамъ, Клена и могла завести свой кругъ знакомства. Когда Кленѣ исполнилось еще только четырнадцать лѣтъ, Арина Матвѣевна уже вездѣ, всѣми правдами и неправдами, старалась, чтобы ея ненаглядное дитятко проникло въ какой-нибудь хорошiй дворянскiй домъ. Арина Матвѣевна отправлялась впередъ развѣдчикомъ, знакомилась съ людьми, съ мамушками, дружилась, и затѣмъ уже начинала свои подкопы, свою атаку, добиралась до барина или до барыни, печаловалась на судьбу семьи Филисовыхъ, жаловалась на скареда и кровошiйцу бригадира, горевала надъ судьбою своей питомицы.

Кончалось тѣмъ, что заинтересованные разсказами Арины Матвѣевны дворяне желали повидать барышню, а затѣмъ уже Клена легко могла „постоять за себя“. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, что дѣвушка въ первый разъ переступала порогъ какого-нибудь дома, ее уже всѣ любили въ немъ и приглашали постоянно.

Случалось даже раза три, что нѣкоторыя семьи дворянскiя совѣтовались съ Ариной Матвѣевной, нельзя ли какъ высвободить Клену изъ ея семьи, переманить къ себѣ и взять на воспитанiе. Но это было невозможно. Филисовъ продолжалъ надѣяться, что когда-нибудь бригадиръ смирится духомъ, проститъ ихъ окончательно, и если Клена найдетъ хорошаго и выгоднаго жениха, то бригадиръ, какъ бы лишившiй сына всего состоянiя, удѣлитъ что-нибудь на приданое своей ни въ чемъ неповинной внучкѣ.

Такъ подошелъ страшный чумовой годъ.

Среди весны, на Пасхѣ, съ Кленой, гостившею въ одномъ богатомъ боярскомъ домѣ, гдѣ она была особенно близко знакома и любима, случилось маленькое происшествiе, весьма много значившее въ жизни бригадирской внучки. На одной изъ вечеринокъ Клена встрѣтилась съ молодымъ офицеромъ, звенигородскимъ помѣщикомъ.

И до сихъ поръ были молодые люди, которые ухаживали

за Кленой, которые даже отчасти нравились ей самой, но однако никогда еще ничего не случалось, какъ казалось ей, „особеннаго“. Тутъ же, при знакомствѣ съ молодымъ офицеромъ, Клена сразу почувяла что-то, прочла нѣчто въ его глазахъ. Вдругъ и ей, а равно и ему самому сказалось въ ихъ отношеніяхъ нѣчто особенное.

— Суженные! говорить въ этихъ случаяхъ народъ.

— За послѣднее время Клена чаще всего бывала въ семьѣ Зиновьевыхъ, гдѣ была лишь одна дочь, дѣвочка, гораздо моложе Клены.

Хотя маленькая Катя Зиновьева не могла по годамъ своимъ быть ей пріятельницей, тѣмъ не менѣ Клена съумѣла добиться того, что дѣвочка полюбила ее до страсти.

Въ данномъ случаѣ схитрившая дѣвушка поступала по совѣту своей умной няни Арины Матвѣвны.

Изъ всѣхъ домовъ московскихъ, за которыми теперь ухаживали москвичи, особенно выдавались двѣ семьи: графа Ивана Григорьевича Орлова и Зиновьева, женатаго на Орловой. Такъ какъ госпожа Зиновьева приходилась родною теткою могущественнымъ вельможамъ Орловымъ, то знакомство съ нею было полезно для всякаго. Умная мамушка Арина Матвѣвна сообразила, что для Клены весьма важно сдѣлаться любимицей въ домѣ Зиновьевыхъ.

Объясняя это своему дитяткѣ, Арина говорила:

— Ужъ когда-когда, а гляди, будетъ отъ этого прокъ. Мало ли что въ жизни приключиться можетъ. А они люди въ Москвѣ знатные и черезъ своихъ петербургскихъ вельможныхъ родственниковъ люди сильные.

Когда подошло лѣто, Клена, бывавшая у Зиновьевыхъ всю зиму, уже стала первой любимицей госпожи Зиновьевой. И вотъ однажды у нихъ она встрѣтила молодого красиваго офицера Напольнаго полка.

Николай Козляниновъ, такъ звали молодого офицера, былъ средней руки дворянинъ, помѣщикъ Звенигородскаго уѣзда. Всей родни на свѣтѣ была у него только старая мать, жившая безвыѣздно въ своемъ домѣ въ Звенигородѣ.

Козляниновъ былъ малый красивый, добрый и немного робкій въ обращеніи, будучи отъ природы тихаго дѣвичьяго нрава. Это послѣднее обстоятельство отражалось, впрочемъ, далеко не благоприятно на его внѣшности: онъ былъ высокаго роста и плечистъ, а скромное дѣвичье личико, бѣлое и ру-